

УДК 101.1: 316.420.66: 316.422.44

Роль социальных инноваций в структуре общественных изменений

Е. А. Солодкая, аспирант*

Показана специфика социальных инноваций, их отличие от политических и экономических инноваций. Анализируются условия возникновения социальных инноваций.

Role of Social Innovations in Structure of Public Changes

E. Solodkaja, Postgraduate Student

Specificity of social innovations, their difference from political and economic innovations is shown. Conditions of occurrence of social innovations are analyzed.

Необходимость сохранения национального суверенитета нашей страны и одновременного вхождения в мировой рынок остро ставят вопрос о создании структур, способных реагировать на возникающие проблемы (внешние и внутренние) и корректировать развитие социальной системы. В этой связи часто приходится слышать о необходимости особого – инновационного развития РБ. Представления о таком типе развития, как правило, связаны с введением технико-технологических инноваций. Однако с точки зрения ряда современных философских теорий, такая редукция не имеет под собой достаточных оснований. Цель данной статьи – определить роль социальных инноваций в структуре общественных изменений, прояснить, в каких отношениях находятся социальные, политические и экономические инновации.

Проблема инновационного развития является производной от проблемы общественного развития как такового. В соответствии с принятым в советской науке детерминистским подходом к историческому процессу, развитие общества происходило по заложенным в самой его сути законам и в дополнительных стимулах не нуждалось. Кризис марксистско-ленинской идеологии потребовал пересмотра устоявшихся стереотипов. Застойные явления в промышленности и экономике вызвали необходимость в срочной модернизации этих сфер. Акцент на экономические инновации вполне согласовался с уже устоявшимися представлениями об экономическом базисе социального развития. Кроме того, и на Западе существует традиция трактовки понятия «инновация» в сугубо производственно-экономическом ключе. Этот термин начал широко использоваться в макроэкономическом анализе Й. Шумпетер, где он означал изобретения в технологии и производстве новых продуктов, стимулирующие экономический рост. Возникла специаль-

ная дисциплина, изучающая изменения – инноватика. Появились зарубежные (М. Барер, В. Браун, К. Пэвитт, Э. Роджерс, У. Уолкер) и отечественные исследователи (А. И. Пригожин, Н. И. Лапин, Б. В. Сазонов, Г. П. Щедровицкий, Э. Г. Юдин), работающие в рамках данной дисциплины. Но любые научно-практические исследования интуитивно или осознанно исходят из определенных ценностных ориентиров, определяющих выбор самого новшества, способов его внедрения и т. д. В связи с этим, на взгляд автора, именно социальные инновации, то есть управляемые изменения в сфере социальных отношений, смогли бы стать рычагом активизации экономического развития. И здесь мы сталкиваемся со следующей мировоззренческой и методологической проблемой.

В современных теориях социального развития Республики Беларусь [1–3] прослеживается явная тенденция рассматривать социальные инновации как производные от экономических и политических инноваций. Аргументируется это тем, что именно данные структуры являются механизмами проведения в жизнь назревших в глубине общества изменений и без их помощи они просто не могут быть реализованы. Такое видение социальных процессов во многом связано с логикой развития нашей страны в недавнем прошлом, о чем уже было сказано выше. Изношенность основных фондов является серьезной проблемой нашей экономики. Но зачастую необходимо не их обновление, а кардинальный переход на новые виды продукции, что предполагает коренную перестройку технологических процессов. В условиях постоянно внедряемых производственных изменений работникам необходим определенный «тыл» – сфера стабильности, позволяющая чувствовать себя комфортно. И, наоборот, органичная включенность в социальные связи дает человеку простор для творчества. Однако такая органичная социализация требует наличия четких ориентиров – социальных идеалов и

* Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент А. В. Яскевич

ценностей. В этой связи возникает вопрос: что или кто является продуцентом целей и, шире, идеалов общественного развития? Где зарождаются и как реализуются социальные инновации?

Существуют различные варианты ответов на эти вопросы. Основным пунктом расхождения является вопрос о мере управляемости социальных инноваций и источнике этого управления, что можно проиллюстрировать на примере статьи «Социальные инновации» в Социологической энциклопедии под редакцией А. Н. Данилова: «Социальные инновации – это явления в социальной сфере общества, которых не было на предыдущей стадии его развития и которые возникли естественным образом либо введены по инициативе субъектов управления – государства, церкви и т. д.» [4, с. 110]. Более развернутое определение социальных инноваций как управляемых изменений дает С. А. Шавель, который считает, что «к социальным инновациям следует относить не все изменения, а лишь управляемые, то есть те, которые осуществляются сверху как политическая или управленческая воля соответствующего уровня (страны, региона, предприятия, фирмы и т. д.)» [5, с. 31]. В такой интерпретации источником социальных инноваций могут быть только властные структуры общества. Они же являются реализаторами данных нововведений. Но почему такие инновации – возникающие и реализующиеся в политико-управленческой сфере – надо называть социальными? Автору представляется, что ответить на этот вопрос можно, если обратиться к анализу понятия социальное. С. А. Шавель в качестве общества рассматривает страну-государство [5, с. 19], т. е. речь идет о макроструктурах.

Макроуровень рассмотрения общества изначально предполагает фокусировку внимания на наиболее «крупных» элементах социальной системы. С точки зрения временной перспективы такие элементы являются наиболее устойчивыми, прошедшими проверку временем, а значит, они наименее подвержены изменениям. Поэтому для анализа «текущих изменений» необходимо учитывать изменения, происходящие на наиболее элементарном уровне социальной системы. А микроэлементом любого общества является человек.

Интересной, в этой связи, является теория Т. Парсонса, которая, условно говоря, применяет макроподход в рассмотрении микроуровня общества. По мнению Т. Парсонса, социальная система представляет собой одну из первичных подсистем человеческого действия [6, с. 768]. Система личности является продуктом приобщения к культурной системе поведенческого организма, т. е. она не сводится ни к системе организма, ни к системе

культуры и образует самостоятельную систему. Взаимодействие личностей общающихся между собой индивидов и системы культуры образуют аналитически независимую социальную систему.

Главным принципом анализа социальных систем по Т. Парсонсу является принцип организации живых систем. Согласно этому принципу структуры живых систем дифференцированы в соответствии с различными требованиями, которые предъявляет им окружение [6, с. 791]. Кроме того, все подсистемы действия находятся в определенной иерархии. Эта иерархия включает в себя кибернетические аспекты контроля, посредством которых системы с высоким уровнем информации, но с низким уровнем энергии управляют другими системами с более высоким уровнем энергии, но более низкой информацией. Наиболее информационно насыщена культурная система. Она служит референтом для специализированных и дифференцированных социальных норм и правил, делает их осмысленными и узаконенными. Именно культурная система позволяет добиваться высокого уровня устойчивости социальной системы по отношению к различным изменениям, вызванным узкими, частными причинами, действующими посредством отдельных физических обстоятельств или личностей. Культурная система в состоянии информационно переработать и включить эти изменения в уже устоявшийся континуум норм.

Если культурная система дает нормативный образец для социальной системы, то какую роль играют в теории Т. Парсонса личность и поведенческий организм как подсистемы человеческого действия? С его точки зрения отношения личности и общества являются сутью политических отношений, а отношения социальной системы и организма создают базу для развития экономики. Однако обе эти сферы человеческих взаимоотношений нуждаются в источниках законности своего нормативного порядка, им нужно нечто, чтобы легитимировало сложившийся образец отношений. Таким источником законности нормативного порядка выступает культурная система, достаточно генерализированная и интегрированная в социальную систему [6, с. 805]. Благодаря своей символической природе она обширна и пластична, что позволяет ей давать определение разнообразному числу частных ситуаций.

Такая жесткая иерархия контроля, характеризующая связи между социальными подсистемами, с точки зрения многих социальных теоретиков страдает слишком высоким уровнем абстракции. В реальности взаимодействие всех сфер жизни общества создает нерасчленимый континуум социальных процессов. Однако любая теория

оперирует не реальными, а идеализированными объектами. А в основе любой идеализации лежат определенные предпосылки, в том числе и мировоззренческие. Так, например, в 90-х годах прошлого века в отечественной социальной теории появились многочисленные работы, в которых самоорганизация общества рассматривается как стихийный, самоупорядочивающийся процесс. Например, в работе Макарова В. В., посвященной анализу теоретических основ институциональных изменений, отмечается, что хотя обществу свойственно равновесное состояние, бывают периоды, когда оно находится в состоянии «неупорядоченности», «разбалансировки отдельных сфер или их взаимодействия» [7, с. 4]. Но так как общество является самоорганизующейся системой, то оно в состоянии прийти к равновесному состоянию. Для этого «каждая подсистема общества или отдельный ее элемент производит структурную перестройку, выбирая оптимальный для данного момента режим деятельности» [7, с. 4]. Однако остается неясным — на основе чего система осуществляет выбор оптимального режима деятельности? Если на основе своих предыдущих выборов, то совершенно не обязательно, что эти предыдущие ситуации будут релевантны текущему состоянию системы. Проблема самореференции социальных систем подробно изложена Н. Луманом, но в данном случае она затрагивается лишь для того, чтобы показать — адаптивные возможности любой системы не безграничны. Они напрямую зависят от способности системы включать в свою внутреннюю коммуникацию новую информацию и сделать эту информацию знанием, применимым на практике.

В рамках нашего исследования наиболее интересным представляется другой аспект статьи В. В. Макарова. В его работе ясно прослеживается уже отмеченная выше тенденция сведения социальных изменений к изменениям в политической и экономической сфере. Автор делит всю социальную жизнь на три сферы — экономическую, политическую и культурную, — и рассматривает эти сферы как подсистемы общества. При этом, однако, экономика и политика являются относительно самостоятельными самоорганизующимися сферами. Остается непонятным — на каких принципах они самоорганизуются? Если исходя из своей внутренней логики развития, то как изменения этих сфер интегрируются в более широкую социальную систему?

Безусловно, для того чтобы изменения в экономической и политической подсистемах привели к изменению общества в целом, они должны строиться на тех же нормативных основаниях, что и социальная система. Однако, как отмечает

Т. Парсонс: «Никакой нормативный порядок никогда не является самолегитимизирующим в том смысле, что одобренный или запрещенный им способ жизни просто является правильным или нет и не вызывает вопросов» [7, с. 501]. И если в теории Т. Парсонса четко прописано — какая подсистема общества занимается легитимацией изменений нормативного порядка (напомним — это культурная система), то в статье В. В. Макарова эта проблема вообще не получает своего отражения. Он пишет: «Есть процессы, в результате которых в обществе появляются новые потребности, новые запросы и приводят к возникновению новой социальной системы» [8, с. 9]. Как возникают эти потребности, как, на каком языке формулируются эти запросы и потребности и как они приводят к возникновению новой социальной системы? Эти вопросы В. В. Макаров оставляет без внимания. При том, что имплицитно в его статье содержатся послышки, помогающие раскрыть, по крайней мере, второй вопрос.

Рассматривая существующие теории социальных институтов, В. В. Макаров приводит схему французского основателя «институциональной» школы М. Орну. Согласно М. Орну институты складываются из трех элементов: а) организующая идея; б) организованное управление; в) взаимодействие участников институтов вокруг идеи. Заметим, что в этой структуре основополагающим элементом является организующая идея, т. к. она составляет суть двух из трех вышеперечисленных элементов. Но в конечном, итоговом определении социального института положение о наличии в его структуре организующей идеи у В. В. Макарова исчезает: «Под социальными институтами подразумевается созвездие взаимозависимых социальных ролей, относящихся к какой-либо биологической или социальной функции» [8, с. 12]. Представляется, что именно такая трактовка социального института и социального изменения (как изменения посредством изменения так понятых социальных институтов) позволяет исключить из списка значимых функциональных элементов социальной системы культурную систему. Но при таком подходе становится неясным — как система сохраняет свою целостность при изменении во времени?

С точки зрения прикладной кибернетики управление процессами в замкнутых системах становится возможным только при наличии внешнего дополнения — метаязыка системы, на котором описываются ее изменения. Если вернуться к проблеме, отмеченной выше, а именно: как и на каком языке формулируются запросы-проблемы социальной системы, то в свете изложенного совершенно очевидно, что языком этим является язык куль-

турной системы, ценности которой выступают в качестве «организующей идеи» любого изменения. Любое изменение нуждается в своем структурном референте или в чем-то, что позволяет зафиксировать изменение как таковое. Таким референтом социальных изменений являются культурные ценности, воплощенные, с одной стороны, в культурной традиции, с другой — в идеалах и проективных целях, достижение которых и является сутью любой инновации. Таким образом, любая социальная инновация кроме своих структурных компонентов, функционирующих в актуальном настоящем (т. е. субъектов и объектов изменения), имеет свои исторические проекции в прошлое и будущее. В культурной традиции она находит основание своей самолегитимации, а образ будущего выступает в качестве проекта, выполняющего координирующую и оценочную функцию по отношению к реальным, актуальным социальным процессам.

Специфику социальных инноваций можно проанализировать также при помощи таких широко применяемых в системной теории понятий, как открытые и закрытые процессы. Последние характеризуются всеобщей детерминированностью и могут порождать только закрытые ситуации. Открытые процессы характеризуются полной неопределенностью и порождают открытые ситуации. В качестве образцового примера закрытых процессов Р. Будон [9] предлагает рассматривать процессы, происходящие в рамках так называемой «монополии». Процессы, происходящие в ней, содержат в себе закрытые ситуации: участвующие в них акторы постоянно сталкиваются с выбором, но их выбор в значительной мере предсказуем. Проблематичность возникновения инноваций в условиях «закрытой» ситуации определена следующим: акторы не обладают ни способностью, ни мотивацией для изменения правил «игры». Сокращение определенными структурными условиями пространства выбора и перекрытие акторам возможностей войти в «пространство нового выбора» (т. е. совершить инновацию) обуславливают закрытый характер процесса. Такой процесс подчинен закону воспроизводства, а не производства нового, инновационного.

В результате проведенного исследования можно утверждать, что социальные инновации по своему ценностно-нормативному содержанию гораздо шире имеющих инструментальную направленность

политических и, особенно, экономических инноваций. Как отмечает А. Н. Косинец, новшество является лишь средством, тогда как инновация представляет собой «комплексный, целенаправленный процесс создания, распространения и использования новшества с целью повышения уровня жизни и благосостояния людей...» [10, с. 11]. Осуществить реализацию этого процесса возможно лишь при видении определенной исторической перспективы, ценностно-содержательное наполнение которой осуществляет культура. Поэтому социальные инновации непосредственно связаны с системой культурных ценностей, обладающих универсальным значением и не привязанных к партикулярным ситуациям. Инструментами же реализации этих ценностей, понятых как цели, являются существующие в обществе институциональные структуры, в том числе политические и экономические.

Список цитированных источников

1. Данилов, А. Н. Переходное общество: проблемы системной трансформации / А. Н. Данилов. – Минск, 1997.
2. Демчук, М. И. Республика Беларусь: системные принципы устойчивого развития / М. И. Демчук, А. Т. Юркевич. – Минск, 2003.
3. Никитенко, П. Г. Модель устойчивого социально-экономического развития Беларуси: проблемы формирования и эволюции / П. Г. Никитенко. – Минск, 2000.
4. Научные основы идентификации и использования общественно-функциональных инноваций / А. В. Марков [и др.]; под ред. П. Г. Никитенко. – Минск, 2004.
5. Социологическая энциклопедия / под общ. ред. А. Н. Данилова. – Минск, 2003.
6. Шавель, С. А. Социальные инновации как источник развития общества / С. А. Шавель // Научные основы идентификации и использования общественно-функциональных инноваций / А. В. Марков [и др.]; под ред. П. Г. Никитенко. – Минск, 2004.
7. Парсонс, Т. О социальных системах / Т. Парсонс; пер. с англ., под общ. ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. – М., 2002.
8. Макаров, В. В. Институциональные изменения: теоретические основы анализа / В. В. Макаров // Принципы анализа институциональных изменений / В. В. Макаров [и др.]; Волгогр. гос. техн. ун-т. – Волгоград, 1994.
9. Будон, Р. Место беспорядка: Критика теорий социального изменения / Р. Будон; пер. с фр. М. М. Кириченко; науч. ред. перевода М. Ф. Чернышев. – М., 1998.
10. Косинец, А. Н. Инновационное образование – главный ресурс конкурентоспособной экономики государства / А. Н. Косинец // СБ. – 2007. – 30 октября.

Дата поступления статьи в редакцию: 28.12.2007 г.